

зом, не остается сомнения в том, что в тексте перевода «Истории» мы находим точную и яркую параллель к «Слову о полку Игореве», но не к тому месту, к которому она обычно приводится комментаторами, а к «Плачу Ярославны».

Подводя итог произведенным сопоставлениям, мы должны, во-первых, еще раз указать на то, что они свидетельствуют не об юго-западном, галицком, а скорее об юго-восточном происхождении первоначального текста «Слова о полку Игореве», сложенного, по всей видимости, в Северной земле, в княжении самого Игоря.³⁰ Во-вторых, сделанные филологические наблюдения подтверждают близость лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» ко все большему числу как ранее известных, так и вновь включаемых в научный оборот памятников древнерусской письменности.³¹ Несомненная их близость между собой с неопровержимостью доказывает подлинность и исконную древность этого важнейшего и совершеннейшего произведения русского героического эпоса. Чем глубже мы вчитываемся в содержание старинных памятников письменности, чем пристальнее изучаем их слог, тем больше мы находим в них совпадений с лексикой и фразеологией «Слова о полку Игореве», тем отчетливее мы разбираемся в содержании «Слова», тем яснее понимаем его язык.

³⁰ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 196. Это предположение подтверждается также анализом редкой диалектной лексики в тексте «Слова».

³¹ С. И. Котков. Из курско-орловских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Орловского педагогического института, т. IX, Орел, 1954, стр. 3—23; Н. А. Мещерский. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики. — Ученые записки Карельского педагогического института, сер. историко-филологических наук, т. III, в. 1. Петрозаводск, 1956, стр. 64—88.